

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ КОМПОЗИТОРА

Завтра в помещении областного драматического театра общественность Хакасии отмечает 60-летний юбилей со дня рождения и 40-летие творческой деятельности преподавателя областной детской музыкальной школы композитора Александра Александровича Кенеля.

...В просторной избе много людей. Они тихо сидят на лавках, стоят, опершись о печь, некоторые присели на корточки. Здесь старики, женщины, ребятишки. Они слушают.

Голос хайджи старческий, чуть надтреснутый, то сливается с шумом ветра за темным окном, то крепнет, звучит гневно. Он рассказывает народное предание.

В углу, примостившись на табурете, сидит пожилой человек в очках. Среди смуглых лиц его лицо кажется особенно бледным, светлые редкие волосы прилипли косичками ко лбу. Он то поднимает голову, прислушиваясь к гортанной песне, то быстро набрасывает на листке блок-нота слова, нотные значки.

Вот уже два месяца Александр Александрович Кенель ездит по отдаленным улусам Хакасии.

Как старатель, собирает он крупицы из россыпей народных творений, сохраненных в памяти хакасских певцов и рассказчиков.

В портфеле уже более двухсот песен и сказок, аккуратно записанных, положенных на ноты, но Александр Александрович не торопится возвращаться домой в областной центр, в научно-исследовательский

институт, поручивший ему сбор фольклорного материала. Он снова и снова ищет, записывает, думает.

Сейчас, слушая пение старого хайджи, Александр Александрович вспоминает, как много лет назад впервые занялся он народным эпосом. Это было в Киргизии. По киплакам бесчинствовали басмачи. Часто бывало так, что только достанешь тетрадь, как вспыхивают нехорошим огнем глаза рассказчика.

— Ты зачем хочешь записывать? Налог будешь брать? А хочешь, я тебе ножом?

Совсем другое сейчас. Александр Александрович, послушав одного хайджи, берет у него адрес другого, едет к нему. Везде его встречают, как желанного гостя.

Тихо в теплой избе, что-то потрескивает в примокнувшем репродукторе, ярко горит электрическая лампочка, освещая морщины рассказчика, помнящего и тяжелую бесприветную жизнь минувших времен, и походные огни гражданской войны, и первые трудные годы народной власти.

— А сейчас я расскажу вам то, что я узнал от своего деда,—говорит хайджи и трогает струны чатхана.

Снова становятся сосредоточенными лица людей. Кто-то на цыпочках подходит к двери, слегка приоткрывает ее. За дверью, вытягивая шею, толпятся вернувшиеся из клуба парни и девушки.

☆☆☆

Черноглазый мальчик сидит у рояля. Нерешительно дотрагивается до клавиш.

— Смелее, Миша,—говорит Александр Александрович. Глаза его за толстыми стеклами очков теплеют.

Идут занятия в областной детской музыкальной школе. Несколько лет здесь преподает по классу фортепьяно Александр Александрович. Многих ребят и девочек обучил он тайнам музыкального искусства, научил любить и понимать его.

В комнату входит стройная девочка с белым бантом.

— Нина, сыграй «Тарантеллу» Глинки. (Миша, послушай.—Александр Александрович бережно пересаживает мальчика на табурет.

Быстро летают тонкие пальцы по клавишам. Комната наполняется чудесными звуками. Мальчик притих, восхищенно смотрит на руки девочки.

Замирает последний аккорд.

— Пять лет назад Нина, так же

как ты, Миша, говорила: «У меня ничего не получится». А теперь... Ну, смелее. Садись. Давай сыграем с тобой вот это...

Девочка снисходительно смотрит на «первогодка», улыбается, потом потихоньку уходит в другой класс.

Занятия окончены. Александр Александрович, оставшись один, перебирает ноты. Здесь много его собственных произведений. Вот песни на слова хакасских поэтов «Черемуха», «Встреча», «Гармонь играет», «Калинка», «Белый цветок», «Одинокая лодка плывет», «Харагай», «Песня о партии», музыка к спектаклям «Акун», «Одуреченный Хорхло», «Медвежий лог», фортепьянные пьесы, концерт для фортепьяно с оркестром.

Александр Александрович берет один из листов, кладет на пюпитр. Ему кажется, что над одной из песен надо еще поработать. Взяв аккорд, он смотрит в текст, поет на хакасском языке.

☆☆☆

— Вам почта, Александр Александрович.

Композитор берет письма, проходит в свою рабочую комнату, включает настольную лампу. Пачка пи-

сем из далеких и близких мест. Вот зеленый конверт, яркая иностранная марка.

«Многоуважаемый товарищ Кенель!»—пишет профессор университета имени Фридриха Шиллера из Германской Демократической Республики Эрнст Штекль.—Подыскивая материал к моей научной работе, я остановился на Вашем творчестве, содержащем целый ряд песен...».

Александр Александрович поднимает на лоб очки, задумывается...

В письме просьба помочь составить картотеку музыкальных произведений на одну из тем. «Надо завтра же подобрать материал»—беспокоится Александр Александрович.

А вот письма из Москвы, Новосибирска, Омска, Барнаула, Черкасс, Ленинграда. Пишут композиторы, научные работники, музыканты, школьники. В них просьбы, советы, листки с нотами, стихами, и в каждом теплые слова, поздравления с шестидесятилетием со дня рождения, с сорокалетием творческой и общественной деятельности.

Александр Александрович откладывает письма, садится за пианино.

«Надо работать, работать» — думает он. Где-то в сознании рождается мелодия. В памяти встает старый хайджи, люди, столпившиеся вокруг чатханиста, черные глазенки хакасского мальчика, слушающего песню.

В. ДЕНИСОВ.